

ЕКЕН В ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ: МОДАЛЬНОЕ СЛОВО ИЛИ МОДАЛЬНАЯ ЧАСТИЦА?

Г.С. Сахатова

г. Никосия

Резюме: Существующие на сегодняшний день грамматики туркменского языка трактуют единицу *eken* либо как модальное слово, либо как модальную частицу. Опираясь, в первую очередь, на ее сферы употребления и выражаемые при этом смыслы, в настоящей статье делается попытка определить ее служебные функции¹.

Ключевые слова: эвиденциальность, модальность, туркменский язык, модальные частицы, модальные слова.

1. Описание единицы *eken* в грамматиках туркменского языка

Единица *eken*, в разговорной речи часто *ekeni*, по-разному трактуется в грамматиках туркменского языка. Приведем несколько примеров из сфер употребления:

- (1) *mugallym ekeniňiz* ‘Вы, оказывается, учитель’ (как я заметил(а)/сделал(а) выводы напр. через общение)
- (2) *giden eken(i)* ‘он(а), оказывается, ушел/ушла’ (как я заметил(а)/оказывается)

В рамках данной статьи будут приведены описания из грамматик туркменского языка Э.А. Груниной [Грунина 2005] и L. Clark’a [Clark 1998]. Грамматика Э.А. Груниной [Грунина 2005: 83, 157, 179–181] трактует *eken* и как модальную частицу, и как модальное слово. Clark [Clark 1998: 386–387, 377, 456] же классифицирует *eken* только как модальное слово для выражения подтверждения. Э.А. Грунина [Грунина 2005: 157] подчеркивает активное использование *eken* как в устной, диалогической, так и в письменной речи, где она, выступая в составе именного сказуемого с помощью аффикса принадлежности, указывает на лицо субъекта: «Передавая разные смысловые оттенки (коннотации) сообщения, *eken* сохраняет свое основное значение: подчеркнутое утверждение достоверности, истинности сообщения согласно или вопреки ожиданиям говорящего». Далее, автор отмечает, что *eken* является грамматикализованной словоформой глагола *i(r)*- ‘быть’, а ее позиция в составе сказуемого определяет ее роль либо как мо-

---

¹ Выражаю благодарность анонимному рецензенту за ценный комментарий.

дальное слово или модальная частица [Грунина 2005: 83]. Умозаключение по поводу полученной информации, факта или события, подчеркивает Э.А. Грунина, является основным смысловым оттенком единицы *eken*, напр. *awtobusda boş yer bar eken* ‘в автобусе места оказались свободными/в автобусе были свободные места’, т. е. говорящий, опираясь на свой предыдущий опыт, готов был увидеть все места занятыми. При употреблении *eken* говорящий может испытывать эмоции, такие как удивление, одобрение, радость, и т. д. [Грунина 2005: 179–181]. Приводя случаи употребления причастия *-yan* с единицей *eken*, автор трактует ее как модальное слово: «Конструкция *-yan eken* в зависимости от контекста реализует два грамматических значения: модально интерпретируемое длительное действие в настоящем времени (*gelyän eken* ‘оказывается, идет’) и факт длительного действия в прошлом (*gelyän eken* ‘оказывается, шел’). Таким образом, помимо функции модальной оценки сообщаемого, *eken* имеет и формообразующую функцию в системе спрягаемых глагольных форм. То же следует сказать и о *-An eken* в функции давнопрошедшего» [Грунина 2005: 181]².

Грамматика L. Clark’a [Clark 1998: 377–378, 386–387, 456] определяет место *eken* среди модальных слов для передачи смысла ‘как оказалось, оказывается/я выяснил, выяснилось/кажется, и т. д.: «...to express the speaker’s confirmation, based on revealed facts, that something is true». Clark также указывает на употребление *eken* в лицах и числах с помощью аффикса принадлежности, а также выделяет употребление с отрицанием *däl* ‘не’.

Итак, из вышеприведенных описаний вырисовывается следующая картина. Во-первых, грамматика Э.А. Груниной предоставляет наиболее полную характеристику единицы *eken*, приводя многочисленные примеры из сфер ее употребления. Во-вторых, автор выделяет как смысловые оттенки, эмоциональные оценки, так и грамматические значения *eken*. В-третьих, единица *eken* описана и как модальная частица, и как модальное слово. Грамматика Clark’a определяет *eken* как модальное слово с указанием на смыслы и случаи употребления. Наряду с этим, автор, характеризуя модальные слова, указывает на их основные функции, которые заключаются в выражении отношения говорящего к сообщаемому с теми или иными эмоциональными оттенками [Clark 1998: 377].

Таким образом, обе грамматики квалифицируют *eken* как модальное слово и модальную частицу для выражения смысла ‘как оказалось’ как основного, которое сопровождается эмоциональной оценкой говорящего.

2. Что такое модальное слово/модальная частица?

В.В. Виноградов [Виноградов 1975: 83–84] отмечал, что «...граница между модальными частицами и модальными словами очень зыбка и подвижна». Словарь лингвистических терминов О.С. Ахмановой [Ахманова 1966: 512] рассматривает частицы как имеющие функцию выражения отношения говорящего к высказываемому с особым выделением или уточнением какого-либо момента или стороны в этом высказывании. В том же словаре дается трактовка модальных слов, как утративших свое лексическое значение и функционирую-

² Здесь возможен также смысл ‘оказывается, приходил(а)’.

щих как средство описательного выражения модальности [Ахманова 1966: 229–230]. Словарь Т.В. Жеребило [Жеребило 2010: 201] в отношении модальных слов обращает внимание на то, что модальное слово как неизменяемая часть речи выражает отношение уверенности или неуверенности/предположения говорящего к высказанному сообщению в соответствии с реальностью. Что касается определения частиц, то они подразделяются на модальные и модально-волевые, где первые передают значение реальности/ирреальности, достоверности/недостоверности, вопросительности/утвердительности и т. д. [Жеребило 2010: 453].

3. Употребление *eken* в туркменском языке

Сферы употребления единицы *eken* и ее смыслы, о которых шла речь в выше-описанных грамматиках, в действительности намного шире и многообразнее. Говорящий на туркменском языке использует *eken* в следующих случаях:

1. Для выражения выявленных фактов
2. Для выражения умозаключения
3. Для передачи вторичной информации
4. В аналитических конструкциях для выражения смыслов: легкий упрек, вежливо выраженный упрек.

3.1. *Eken* для выражения выявленных фактов

- (3) *men öýe gelemde, ýatan ekeniň* ‘когда я пришел домой, ты, оказывается, спал’
- (4) *gözläp ýören kitabym okuwda eken* ‘книга, которую я искал(а), (была, оказывается) в школе’
- (5) *ejet maňa garaşyp duran eken* ‘мама (стояла и) ждала меня’
- (6) *daşary sowuk eken(i)* ‘на улице холодно, оказывается’
- (7) *alma turşy eken* ‘яблоко кислое, оказывается’

Во всех перечисленных примерах источником информации является сам говорящий, который (у)видел (канал информации: визуальное восприятие), как его брат спал, где его книга, как мама ждала, или на собственном опыте/ощущениях (канал информации: субъективное телесное/вкусовое восприятие) ощутил холод или на вкус кислотность яблока. В зависимости от контекста и интенсивности, напр. телесных и вкусовых ощущений, выявленное может сопровождаться различными модально-эмоциональными оценками, такими как удивление, разочарование, радость в связи с подтверждением ожидаемого либо предполагаемого события, и т. д.

3.2. *Eken* для выражения умозаключения

- (8) *biri biriňizi tanaýan ekeňiz-ä!* ‘обнаружилось/выяснилось/выявилось/я выявил/обнаружил/выследил, и теперь я знаю, что вы знакомы друг с другом’
- (9) *bu iş kyn eken* ‘(я убедился на собственном опыте, поэтому заключаю/делаю вывод/теперь я знаю) эта работа очень тяжелая’

Говорящий сам является источником информации и знания, которую он получил посредством его когнитивных способностей наблюдать, переживать и делать из имеющихся предпосылок выводы/умозаключения. Часто испытываемой при этом эмоцией является *удивление*, так как говорящий не ожидал тот или иной исход событий. В лингвистике – явление, определенное как *миратив, адмиратив* [Delancey 1997; Plungian 2001].

3.3. *Eken* для передачи вторичной информации

В разговорной речи *eken* в целях передачи вторичной информации, как правило, не используется, так как эту функцию выполняет формант -*İpdİr*. Наряду с этим необходимо отметить употребление *eken* в жанре устного народного творчества, напр. в сказках, которые начинаются следующим выражением: *bir bar eken, bir ýok eken* ‘было или не было / неизвестно правда (это) или нет’; рассказчик, от лица которого ведется повествование, посредством *eken* дистанцируется от времени и событий, о которых пойдет речь, и не гарантирует, таким образом, достоверность повествования и реальность событий, напр.:

(10) *Bir bar eken, bir ýok eken, gadym zamanlarda bir çopan bar eken* ‘было или не было, давным-давно жил был один пастух’³.

3.4. *Eken* в аналитических конструкциях

(11) *git-meli (e)keniň* а) ‘оказывается, ты должен был пойти/тебе нужно было пойти’, б) ‘(все-таки) нужно было тебе пойти’

(12) *gid-äý-meli (e)keniň* ‘тебе все-таки стоило/нужно было поехать (я считаю/думаю/желаю)’

(13) *al-aý-maly ekenik* ‘надо/нужно было нам все-таки взять (я сожалею)’

(14) *gel-meli дәл ekenik* ‘не надо/не нужно было нам приходиться (я сожалею)’

Пример (11) может иметь две интерпретации, одна из них, когда говорящий, узнав об обязательности совершения какого-либо действия из вторичных источников, сообщает об этом 2-му лицу. Вторая интерпретация связана со смыслом, когда говорящий, узнав о том, что 2-е лицо не совершило определенное действие, испытывает по этому поводу разочарование/недовольство и выражает 2-му лицу легкий упрек. Вторая интерпретация применима и к примеру (12), правда, говорящий, с помощью оптативного маркера -*Ау* смягчает свой упрек и высказывает его в очень вежливой форме. В примерах (13) и (14) говорящий выражает сожаление по поводу действий, которые не нужно было совершать.

Подобное употребление *eken* наблюдается и в некоторых диалектах туркменского языка, правда, здесь говорящий маркирует личными окончаниями глагольную форму, а не единицу *eken*, напр. литературное: *şu ýere geçirmeli eken-im* передается в сарыкском диалекте как *şöre geçir-meg-im eken* ‘я должен был/мне надо было переместить это сюда’ [Nartyýew 2010: 168-169].

³ Начало сказки «Aždarha bilen çopan» («Дракон и пастух») [Türkmen Halk Ertékileri 2008: 13–14].

4. Итоги/дискуссия

Итак, в отношении единицы *eken* в туркменском языке возможны следующие выводы. Говорящий с помощью единицы *eken* сообщает о полученных знаниях/опыте напрямую, т. е. сенсорно (визуально, тактильно, дегустация, обоняние), так и через общение или впечатление, часто в момент речи. На их основании он выявляет, узнает, делает выводы/умозаключения. *Eken*, таким образом, подчеркивает достоверность этих знаний и опыта, так как говорящий сам является источником информации. М.А. Дмитриовская называет подобные знания знаниями из непосредственного опыта, т. е. полученными перцептивно, которые в пропозиции/высказывании носят характер фиксации ощущений, где отражен собственный опыт субъекта: «Огромное количество информации человек получает через зрительный анализатор. То, что человек видел сам, имеет для него самую высокую степень достоверности. Соотношение степени достоверности сведений, полученных “из вторых рук” и из непосредственного опыта, отражено в пословице “Лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать”» [Дмитриовская 1988: 171].

Таким образом, первая сфера употребления (*eken* для выражения выявленных фактов) помещает единицу *eken* в область грамматической категории ‘прямая эвиденциальность/засвидетельствованность’, при которой говорящий сам является источником знания/информации или участником события, видел его и т. д. [Плунгян 2011; Aikhenvald 2004]. Вторая (для выражения умозаключения) и третья (для передачи вторичной информации) сферы употребления дислоцируют единицу *eken* в область *косвенной эвиденциальности*, при которой говорящий а) сообщает о своих выводах и умозаключениях, известных как *инферентив*, основанных также на прямом доступе к знанию/информации; в этой связи важно также отметить, что в примерах (8) и (9) говорящий может испытывать *удивление* (*миратив/адмиратив*), эмоциональное состояние, вызываемое при неожиданным или необычным исходе события, что превращает ее в модально-оценочную единицу, и б) передает знание /информацию ‘из вторых рук’, за достоверность которых говорящий не ручается, явление известное как *цитатив*.

И наконец, четвертая сфера употребления единицы *eken* связана с ее способностью в конструкциях с аффиксами долженствования -mAlI и оптативного маркера -Au выражать двоякие смыслы; наряду со значениями ‘выражение выявленного факта: оказывается/я выявил/я понял, что действие должно было свершиться’, также и смыслы как ‘легкий или очень вежливо сформулированный упрек’, высказываемый в связи с недовольством говорящего 2-му лицу или сожаление, высказываемое говорящим по поводу нежелательного события 1-му лицу. В обоих случаях говорящий высказывает упрек или сожаление по отношению ко 2-ым или 1-ым лицам после того, как он выявил факты (1-я сфера употребления) или сделал выводы (2-я сфера употребления). Необходимо также отметить, что подобные высказывания эмоционально окрашены. Речь в данном случае идет о субъективно-модальных, оценочных значениях, в том числе и о желательности, как правило, оформляемых наряду с вводными словами и конструкциями также с помощью частиц [см. Плунгян 2011].

В связи с вышеперечисленным, вопрос о том, чем же является единица *eken* в туркменском языке, модальной частицей или модальным словом, является вто-

ростепенным. Первичны, на самом деле, характерные для единицы *eken* следующие три служебные функции, такие как а) указатель на достоверность сообщаемого знания, б) на возможную недостоверность/вторичность знания, а также в) после выявления фактов и умозаключения оценка того или иного события как нежелательного, когда говорящий в связи с существующим/выявленным положением вещей выражает либо недовольство/упрек (2-му лицу), либо сожаление (1-му лицу).

Тем не менее, если попытаться определить место единицы *eken* либо среди модальных частиц, либо среди модальных слов, необходимо принять во внимание следующие аспекты. Во-первых, исходить при этом из положения, что в литературном туркменском языке она может принимать личные окончания, в то время как в некоторых его диалектах остается неизменной для всех лиц и чисел. Последнее обстоятельство является одним из проблемных при толковании *eken*. Во-вторых, решению данного вопроса может способствовать анализ единицы *eken* в других тюркских языках с целью сравнения и выявления ее характерных грамматических особенностей, таких как формы словоизменения, семантические смыслы и оттенки, и т. д. Для этого в рамках данной статьи, был произведен краткий обзор грамматик и работ по казахскому языку, который выявил следующие факты. В монографии Abish [Abish 2014: 93, 28, 48–51, 81, 104] о модальности в казахском языке в Китае, *eken* толкуется как а) эвиденциальная/косвенная частица, б) копула, а также в) как риторическая частица. Автор при этом подчеркивает, что во всех своих трех обличиях *eken* имеет разные функции. Как риторическая частица, она, в отличие от эвиденциальной, не принимает личных окончаний и не имеет эвиденциальной семантики. Abish, ссылаясь на Johanson'a [Johanson 2012: 55–56], указывает на то, что этимология этих двух вариантов частицы также различна: *eken* как косвенная частица может быть отнесена к единице *ärkän*, тогда как *eken* в качестве риторической частицы восходит своими корнями к единице *ärkin*⁴. Также как и в туркменском языке (примеры 11–14), *eken* будучи риторической частицей в казахском языке, в комбинации, напр. с маркером условного наклонения *-sA + eken*, может выражать различные модальные смыслы, такие как сильное страстное желание или надежду, а также разочарование, в зависимости от порядка слов в высказывании⁵. В качестве косвенной частицы в комбинации с частицей *yoу eken* выражает миратив, т. е. оценку по поводу новой, неожиданной информации. Равно как и в туркменском языке, в функции косвенной частицы может передавать вторичную информацию, умозаключение. Далее, в грамматиках казахского языка *eken* фиксируется тремя терминами: копула, эвиденциальная единица или же как эвиденциальная копула [Muhamedowa 2016: 2, 3, 18, 181–185, 202, 208]; автор перечисляет случаи употребления в вежливых вопросах, а в комбинации с *-sA + eken* в выражении ирреальных желаний.

⁴ Данные положения нуждаются в дальнейших и в более системных исследованиях; в этой связи см. также [Johanson 2003].

⁵ В словаре [Röhrborn 2010: 153–154] приводятся примеры использования подобной комбинации <ä...di ärsär> в доисламских тюркских (староуйгурских) текстах для выражения ирреальных желаний.

Таким образом, грамматическая неординарность единицы *eken* в туркменском языке (способность изменяться по лицам и числам, а также фрагментарная неизменяемость по лицам и числам, напр. в диалектах) с одной стороны, а с другой, ее функциональное разнообразие (вышеотмеченные три служебные функции), помещают единицу *eken* в межзональное пространство: в пространство между категориями *эвиденциальность* и *оценочная модальность*. В этом межзональном пространстве *eken*, по крайней мере, в отношении формальных явлений в литературном туркменском языке, проявляет себя как модальное слово.

Литература

- Ахманова 1966 – *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – {*O.S. Akhmanova.* Glossary of linguistic terms. – Moscow: Sovetskaya enciklopediya, 1966.}
- Виноградов 1975 – *Виноградов В.В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Издательство Наука, 1975. – С. 53–87. {*V.V. Vinogradov.* On the category of modality and modal words in Russian // Selected works. Researches on Russian grammar. – Moscow: Izdatelstvo Nauka, 1975. – PP. 53–87.}
- Грунина 2005 – *Грунина Э.А.* Туркменский язык. Учебное пособие. – Москва: «Восточная литература» РАН, 2005. {*E.A. Grunina.* Turkmen language. Study guide. – Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 2005.}
- Дмитровская 1988 – *Дмитровская М.А.* Знание и достоверность // Прагматика и проблемы интенциональности. Сборник научных трудов. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. – С. 166–188. {*M.A. Dmitrovskaya.* Knowledge and reliability. – Moscow: Institut Yazikoznaniya AN SSSR, 1988. – PP. 166–188.}
- Дмитровская 1988 – *Дмитровская М.А.* Знание и достоверность // Прагматика и проблемы интенциональности. Сборник научных трудов. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. – С. 166–188. {*M.A. Dmitrovskaya.* Knowledge and reliability. – Moscow: Institut Yazikoznaniya AN SSSR, 1988. – PP. 166–188.}
- Жеребило 2010 – *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. {*T.V. Zherebilo.* Glossary of linguistic terms. – 5th ed., revised and ext. – Nazran: ООО «Piligrim», 2010.}
- Плунгян 2010 – *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. – М.: РГГУ, 2011. {*B.A. Plungian.* Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages. – Moscow: RGGU, 2011.}
- Abish 2014 – *Abisch A.* Modality in Kazakh as spoken in China. – Uppsala: Elanders Sverige AB. 2014. (In English.)
- Aikhenvald 2004 – *Aikhenvald A.Yu.* Evidentiality. – Oxford: Oxford University Press. 2004. (In English.)
- Clark 1998 – *Clark L.* Turkmen reference grammar. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1998. (In English.)
- Delancey 1997 – *DeLancey S.* Mirativity: the grammatical marking of unexpected information // Linguistic Typology 1. – 1997. – PP. 33–52. (In English.)
- Johanson 2003 – *Johanson L.* Evidentiality in Turkic // A. Aikhenvald & R.M.W. Dixon (eds.) // Studies on evidentiality // Typological studies in language. 54. – Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2003. – PP. 273–290. (In English.)
- Johanson 2012 – *Johanson L.* Notes on Turkic stance particles // M. Erdal & I. Nevskaya & A. Menz (eds.) // Areal, historical and typological aspects of South Siberian Turkic. (Turkologica 94.) – Wiesbaden: Harrassowitz, 2012. – PP. 51–58. (In English.)
- Muhamedowa 2016 – *Muhamedowa R.* Kazakh. A Comprehensive grammar. – London and New York: Routledge, 2016. (In English.)
- Nartyýew 2010 – *Nartyýew N.* Türkmen dialektologiyasy. Ýokary okuw mekdepleri üçin okuw kitaby. – Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2010.

- Plungian 2001 – *Plungian V.A.* The place of evidentiality within the universal grammatical space // *Journal of pragmatics*. – 2001. – No. 3. – PP. 349–357. (In English.)
- Röhrborn 2010 – *Röhrborn K.* Uigurisches Wörterbuch. Sprachmaterial der vorislamischen türkischen Texte aus Zentralasien. I. Verben ab- – äzügla-, neubearbeitet. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2010. (In German.)
- Türkmen Halk Ertekileri, 2008. Aždarha bilen çopan / «Дракон и пастух». – Aşgabat: YTYG-niň “Ylym” neşirýaty, 2008. – S./C. 13–14.

EKEN IN TURKMEN: MODAL WORD OR MODAL PARTICLE?

G.S. Sakhatova

Nicosia

Summary: The current Turkmen grammars treat the unit *eken* either as a modal word or as a modal particle. The present paper attempts to determine its functional features based primarily on its usage scopes and the meanings it expresses.

Key words: evidentiality, modality, Turkmen, modal particles, modal words.

Gulshen Sahatovna Sakhatova – Ph.D. in philology, assistant professor, Department of Turkish and Middle Eastern Studies, University of Cyprus, Republic of Cyprus, e-mail: gulshen.sakhatova@ucy.ac.cy.